

4. Германович, И. Витебский эксперимент: глаза еще боятся, а руки уже делают / И. Германович // Советская Белоруссия [Электронный ресурс]. – 2015. - №228 (24858). – Режим доступа: <http://belniva.sb.by/regiony-2/article/vitebskiy-eksperiment-glaza-eshche-boyatsya-a-ruki-uzhe-delayut.html>. – Дата доступа: 04.01.2016.

5. Германович, И. Витебский вариант. Банки поделятся процентами? / И. Германович // Советская Белоруссия [Электронный ресурс]. – 2016. - №20 (24902). – Режим доступа: <http://belniva.sb.by/belarus-agramaya/article/vitebskiy-variant-banki-podelyatsya-protsentami.html>. – Дата доступа: 25.02.2016.

6. Губанов, С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция (Серия «Сверхдержава»). – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.

УДК 336.71, 338. 2

Голодова Ж. Г., д.э.н., профессор
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
г. Москва, Россия

БЕЗОПАСНОСТЬ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ УСТОЙЧИВОГО РОСТА В СТРАНАХ ЕАЭС

Отдельные страны постсоветского пространства, приняв в 2014 г. решение об усилении интеграции и создав Евразийский экономический союз (ЕАЭС), за прошедший период сумели продвинуться в части макроэкономической конвергенции, уровень которой превысил 60%, опережая аналогичный показатель конвергенции других альянсов – АСЕАН, МЕРКОСУР. Вместе с тем актуализировалась проблема экономической безопасности стран, которой уделяется пристальное внимание как со стороны представителей органов власти, как и со стороны ученых-аналитиков. В частности, вопросы национальной безопасности включались в стратегии развития стран или отражались в принимаемых отдельных документах:

- РА – «Стратегия национальной безопасности Республики Армения» (принята 26 января 2007 г.);

- РБ – Решение Совета Безопасности Республики Беларусь от 27 марта 1995 г. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. № 390 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575);

- КР – «О концепции национальной безопасности Кыргызской Республики» (Указ Президента КР от 13 июля 2001 г. УП № 221), Закон КР от 26 февраля 2003 г. № 44 «О национальной безопасности», «Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы» (Указ Президента КР от 31 октября 2018 г. УП № 221);

- РК – Закон РК от 26 июня 1998 г. № 233-І «О национальной безопасности Республики Казахстан», Программа развития Казахстана до 2030 года (Послание Президента 28 февраля 1997 г.), Закон РК от 6 января 2012 г. № 527-ІV «О национальной безопасности Республики Казахстан»;

- РФ - «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)» (Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608), Концепция национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300), «Стратегия развития национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) и др.

Причем, отдельные акты посвящены вопросам национальной безопасности в целом, тогда как некоторые – исключительно вопросам экономической безопасности, являющейся важнейшей составляющей национальной безопасности. В данных документах содержатся довольно близкие определения термина «экономическая безопасность», зачастую увязанные с экономической независимостью: состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов страны от внутренних и внешних угроз (Беларусь, Кыргызстан); состояние защищенности национальной экономики страны от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу ее устойчивое развитие и экономическую независимость (Казахстан).

Такой подход объясняется многими факторами – глобализацией экономики и изменением геополитических сил в мире, переходом к новому технологическому укладу, трансформацией наднационального и национального регулирования экономики, усилением уровня конкуренции, затянувшимся посткризисным периодом, сохранением территориальных претензий, изменением традиционных рынков сбыта, обострением экологических проблем и т. д. Ситуация усугубляется замедлением темпов роста мировой экономики и периодически повторяющимися «волнами» глобального кризиса в развивающихся странах: в ЕАЭС в целом (как в Беларуси и России) в 2015-2016 гг. наблюдался спад экономики, что не позволяет в полной мере ощутить положительный эффект интеграции.

При этом до 2020 г. предполагается мониторинг и оценка экономической безопасности, а до 2030 г. – реализация мер по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности, которая, как правило, раскрывается с точки зрения продовольственной, финансовой, энергетической и транспортной безопасности. Исходя из такой постановки вопроса, считаем необходимым выявить, прежде всего, тенденции изменения финансовой безопасности страны, которую принято рассматривать с точки зрения безопасности банковского сектора, фондового рынка и валютного рынков.

Это обусловлено тем, что уровень развития и проблемы финансово-банковского сектора в полной мере отражаются на возможностях экономического роста страны. При этом государство ожидает от него предоставления достаточного объема ресурсов по доступной цене для финансирования приоритетных отраслей и проектов; потребители финансово-банковских услуг заинтересованы в получении необходимых качественных услуг с точки зрения их перечня, стоимости и объемов, тогда как сами финансово-банковские организации нацелены на повышение стоимости и прибыльности бизнеса. С другой стороны, неустойчивость банковского сектора во многом обусловлена экономическими проблемами затяжного характера – отраслевая структура кредитного портфеля отражает сложившиеся диспропорции экономики, перекос в сторону инвалют в ресурсной базе связан с недоверием к национальной валюте, ограниченность кредитного портфеля банков спровоцирована неразвитостью механизмов рефинансирования и др. Немаловажным фактором является отсутствие «точек» роста небанковских финансовых институтов – страховых компаний, кредитных организаций, инвестиционных и пенсионных фондов, обладающих низким потенциалом на рынке частных инвестиций.

Не случайно в некоторых странах были приняты специальные документы именно в части финансовой безопасности – Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года, которая в процессе разработки широко обсуждалась с участием представителей финансовых и предпринимательских структур (Постановление Правительства РК от 27 августа 2014 г. № 954), в других – сформулированы направления государственной политики по обеспечению экономической безопасности с акцентом на финансовые аспекты (Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030»): развитие системы государственного управления и стратегического планирования; обеспечение роста реального сектора экономики; стимулирование разработки и внедрения современных технологий, инновационного развития; развитие финансово-банковской системы и др. Таким образом, следует признать, что в последние годы повышается актуальность обеспечения безопасности банковского сектора стран ЕАЭС, что обусловлено сохранением высокой доли банков в структуре финансового сектора (85-90%), совершенствованием банковского законодательства, появлением новых финансовых инструментов, изменением банковских технологий, сокращением количества банков, изменением бизнес-моделей банков, повышением роли банков в инновационных и инвестиционных процессах и др. Кроме того, реализация мер по повышению безопасности банковского сектора необходима в целях снижения издержек государства, направленных на поддержание его устойчивости.

В качестве основных показателей оценки банковской безопасности традиционно выделяют такие, как [3, с. 323-337]:

- уровень монетизации экономики: $DM / ВВП \geq 50\%$, характеризующий степень доверия к национальной валюте;
- соотношение уровня рентабельности экономики и процентных ставок (деpositной или кредитной): $P > i_{кред} > i_{депоз} > i_{инфл}$, характеризующее наличие предпосылок для оттока депозитных ресурсов, увеличения убытков банковского сектора, кредитного сжатия, сдерживания инвестирования;
- степень оптимальности депозитной базы (Д): $Д_{национ} / Д_{совок} \geq 70\%$, раскрывающая степень зависимости банков от иностранного фондирования;
- отношение активов банковского сектора к ВВП: $Абс / ВВП \geq 70\%$, характеризующее способность банковского сектора обеспечивать экономику необходимыми ресурсами;
- оптимальность структуры активов: $КР_{совок} / Абс \geq 45\%$, отражающая возможность кредитования экономики;
- оптимальность временной структуры депозитов (Д) и кредитов (КР) банков: $Д_{краткоср} / Д_{совок} \leq 30\%$ и $КР_{краткоср} / КР_{совок} \leq 30\%$, отражающая возможность насыщения экономики банковскими ресурсами;
- уровень рентабельности собственного капитала: $ПР / Кбс \geq 15\%$ и уровень рентабельности активов: $ПР / Абс \geq 1\%$, раскрывающие уровень прибыльности и устойчивости банковского сектора;
- уровень концентрации банковского сектора: $КБ20\% \geq 0,8Абс$, раскрывающая вероятность банковского кризиса;
- качество кредитного портфеля: $КР_{пробл} / КР \leq 10\%$, $КР_{межбанк} / КР \leq 25\%$, отражающее степень осуществления банками основной функции (кредитования экономики) и вероятность кризиса банковского сектора.

Согласно анализу динамики ряда показателей банковской безопасности (из-за отсутствия статистики не все из них удалось рассчитать), можно сделать вывод, что, несмотря на некоторое улучшение отдельных показателей, большинство характеристик банковской безопасности - отношение кредитов к ВВП, оптимальность временной структуры кредитов, депозитов и др. – не только не соответствуют установленным критериям, но и ухудшились за период 2014-2018 гг. (таблица 1). Во многом это объясняется наличием двух уровней альянса, различающихся, в том числе, и разной скоростью конвергенции – ядро в виде Беларуси, Казахстана и России, за ядром – Армения и Кыргызстан.

Различаются в странах ЕАЭС и режимы обменного курса: политику свободного плавающего валютного курса проводят Армения, Казахстан и Россия, управляемо плавающего курса – Беларусь и Киргизия. Как следствие, различается и динамика реального эффективного валютного курса: в 2018 г. эффективный валютный курс по отношению к 2010 г. превысил 100% только в Армении и Кыргызстане (104,5 и 114,5% соответственно), тогда как в остальных странах альянса он оказался ниже – от 80,2% в Казахстане до 81,2% в Беларуси и 88,3% в России.

Сохраняется разброс процентных ставок банковского регулятора – от 4,75% в Кыргызстане до 10% в Беларуси в 2018 г., хотя по сравнению с 2014 г. не только сократился разрыв, но и изменились «граничные» страны (в 2014 г. ставки варьировали от 5,5% в Казахстане до 20% в Беларуси).

В банковском секторе стран ЕАЭС к началу 2019 г. сохранились схожие негативные тенденции [1, 2]:

- вариативность целей банковского регулятора (Центральный банк Армении - обеспечение стабильности цен и финансовой стабильности; Национальный банк Беларуси - обеспечение стабильности цен и стабильности банковской системы, а также эффективного, надежного и безопасного функционирования платежной системы; Казахстан и Кыргызстан - достижение и поддержание ценовой стабильности; Россия - обеспечение устойчивости рубля, стабильности и развития национальной платежной системы; развитие и укрепление банковской системы, обеспечение стабильности финансового рынка;

- низкий уровень монетизации экономики – менее 40% в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане;

- высокий уровень долларизации финансовых рынков - по депозитам Армения, Беларусь, Кыргызстан и Казахстан, по кредитам Армения и Беларусь;

- дороговизна кредитных ресурсов (все страны);

- сокращение доли кредитов малому и среднему бизнесу и проч.

- низкий уровень капитализации (все страны);

- девальвация национальных валют, причем курсы валют Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана зависят от российского рубля, а тенге и российского рубля - от мировых цен на нефть;

- низкий уровень кредитов в структуре источников финансирования основного капитала (в Казахстане менее 10%, в России - 11%);

- высокий уровень концентрации банковского сектора на фоне недостаточной независимости банковского регулятора (все страны);

- ориентация банков на осуществлении высокоприбыльного, но высокорискового потребительского кредитования.

Таблица 1 – Динамика показателей, характеризующих банковскую безопасность стран ЕАЭС в 2014-2018 гг. (курсивом выделено несоответствие критериям)

Показатели / Страны	Годы	РА	РБ	КР	РК	РФ
уровень монетизации экономики	2014	35	30	31	32	54
	2018	46	36	37	35	59
соотношение рентабельности экономики и процентных ставок	2014	не соблюдается				
	2018					
степень валютной оптимальности депозитной базы	2014	32	27	46	44	74
	2018	43	36	59	53	74
степень валютной оптимальности кредитной базы	2014	36	26	42	71	67
	2018	н.д.	30	62	77	72
оптимальность временной структуры депозитов	2014	17,2	89	н.д.	44	66
	2018	17,3	81	88	32	49
оптимальность временной структуры кредитов	2014	48	75	16	21	54
	2018	50	62	16	15	57
отношение активов банковского сектора к ВВП	2014	75	62	34	48	98
	2018	83	55	40	43	91
отношение кредитов банковского сектора к ВВП	2014	36	41	16	31	49
	2018	49	57	17	24	43
доля кредитов в активах банковского сектора	2014	56	68	58	66	53
	2018	59	59	58	55	61
доля проблемных кредитов в кредитном портфеле	2014	6,4	2,4	2,6	14,4	6,8
	2018	4,4	5	4,3	8,1	10,1
рентабельность активов банковского сектора	2014	1,7	1,8	2,6	0,1	0,9
	2018	1,3	1,6	1,4	2,6	1,5
рентабельность капитала банковского сектора	2014	4,5	12,9	18,6	13,0	7,9
	2018	8,4	10,7	9,5	21,4	13,3
отношение учетной ставки 2014г.	2018	0,7	0,5	0,45	1,7	0,46

Источник: Рассчитано по данным банковских регуляторов стран ЕАЭС.

Кроме того, в течение 2014-2018 гг. страны ЕАЭС периодически нарушали установленные на момент вхождения в альянс условия макроэкономической конвергенции (таблица 2).

Таблица 2 – Нарушения условий конвергенции странами ЕАЭС в 2014-2018 гг.

Условия	РА	РБ	КР	РК	РФ
Условие конвергенции по инфляции	-	2014-2016	-	2016-2017	2015-2016
Условие конвергенции по дефициту бюджета	2015-2017	-	2016	2016-2017	2016
Условия конвергенции по госдолгу	2016-2018	-	2014-2018	-	-
Индекс реального обменного курса национальной валюты к доллару США	86	50	78	52	65

Источник: Составлено по данным органов статистики стран ЕАЭС.

В то же время хотя страны ЕАЭС проводят разные режимы денежно-кредитной политики: таргетирование инфляции - Армения, Казахстан, Россия; таргетирование процентных ставок – Кыргызстан; таргетирование денежных агрегатов – Беларусь. У них наблюдаются тенденции сближения ориентиров по инфляции – 4% (Армения, Россия), 4-6% (Казахстан) и 5-7% (Кыргызстан). Причем за 2014-2018 гг. усилилась конвергенция уровней инфляции между странами ЕАЭС, обусловленная сближением и повышением эффективности монетарных политик стран альянса.

Для повышения безопасности и устойчивости банковского сектора стран ЕАЭС помимо ликвидации диспропорций экономики считаем целесообразным:

- повысить капитализацию банковского сектора;
- ускорить введение принципов Базель-III;
- оптимизировать механизм национального банковского регулирования;
- обеспечить повышение прозрачности всей банковской системы за счет предоставления качественной и достоверной информации о состоянии банков;
- установить для банков в виде норматива лимит проблемных кредитов;
- ввести практику безотзывных депозитов, применяемых в Беларуси, что позволит предотвратить отток депозитных средств в национальной валюте и обеспечит банковский сектор стабильным фондированием и др.

Литература

1. Бюллетени банковской статистики стран ЕАЭС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nationalbank.kz/?docid=310&switch=russian>, <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=137&lang=RUS>, <https://cbr.ru/publ/bbs>.
2. Отчеты о развитии банковского сектора и Отчеты о финансовой стабильности стран ЕАЭС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cba.am/ru/SitePages/ppperiodicals.aspx>, <https://www.nbrb.by/statistics/financialcapability>, <https://cbr.ru/publ/nadzor/>, <https://www.nationalbank.kz/?docid=3581&switch=russian>, <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=2305&lang=RUS>.
3. Экономическая безопасность России /Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

УДК 338

Драган Т. М., к.э.н., доцент
УО «Брестский государственный технический университет»,
г. Брест, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМАТИКА ПОДДЕРЖАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В системе экономических взаимоотношений общества, государства, бизнеса социальное предпринимательство стало новым, но важным участником. Именно социальные предприятия взяли на себя часть нагрузки бюджета, сознательно ставя перед своим бизнесом задачи решения социальных проблем за счет собственной прибыли. Природа появления социального предпринимательства сложна и разнообразна, мотивационная оставляющая тут играет зачастую главную роль. Примеров, когда предприятия создавались из-за необходимости решить конкретную проблему человека, множество: autison (Берлин), Авокадо (Брест) и др.

Первой финансово-экономической задачей при создании социальных предприятий становится поиск финансирования – донорские средства, франдрайзинг, собственные источники, средства грантов, фондов, финансовая помощь государственных структур, коммерческих организаций и др. Данный вопрос, находясь в приоритете социальных предпринимателей, отодвигает на второй план вопрос поддержания устойчивости бизнеса. Существует немало примеров успешного запуска социальных предприятий, которые прекратили свою деятельность после прекращения грантового или спонсорского финансирования именно по причине отсутствия выстроенной самокупаемой бизнес-модели или из-за «выгорания» предпринимателя, у которого пропала социальная мотивация и отсутствовала финансовая. В связи с этим, вопросам построения экономически устойчивой бизнес-модели необходимо уделять внимание на стадии планирования и обсуждения идеи.